

6. Особенности эволюции научного творчества Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева в дореволюционное время

Итак, публикацией фундаментальных исследований закончился дореволюционный период творчества Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева. Из учеников более старших и маститых историков они сами превратились в авторитетных специалистов в своих областях. Несмотря на то что эти историки во многом сохранили традиции Московской исторической школы, им был присущ собственный почерк научно-исторического исследования. Здесь уместно подробнее рассмотреть вопрос о сходствах и различиях двух поколений историков.

В первой главе были предложены критерии разделения двух генераций: 1) изменение методологии, а в случае школ уместнее говорить о методике, исторического исследования; 2) изменение социально-политической обстановки, в которой растут молодые исследователи, что в свою очередь, может скорректировать тематику научной работы; 3) переход старших коллег от роли учеников к роли учителей, что способствует кристаллизации тех новшеств, которые были ими внесены в историографическую традицию; 4) самосознание младшего поколения, осмысление своей, с одной стороны, зависимости от мэтров школы, а с другой — понимание особых черт в своем научном творчестве; 5) коммуникативные характеристики, заключающиеся в предпочтении круга общения, поскольку замечено, что историки одного поколения и схожих взглядов более тесно сотрудничают друг с другом; 6) внешние по отношению к имманентному развитию школьных традиций факторы (например, влияние других школ или отдельных личностей, научных парадигм и т. д.), которые также приводят к формированию особых черт нового поколения.

Начнем по порядку. Несмотря на то что московские историки-ученики Ключевского придерживались позитивистской методологии, при ближайшем рассмотрении можно заметить, что их подход к решению конкретно-исторических вопросов ощутимо различается. Сам позитивизм, воспринятый разными поколениями, был различного свойства. Если первые ученики Ключевского знали классический позитивизм со значительной примесью гегельянства в виде наследия государственной школы, то младшее поколение восприняло позитивизм в то время, когда он синтезировал неокантианство и эмпириокритицизм, а также подвергся влиянию марксизма. Все это выразилось, в частности, в интересе со стороны молодых историков к индивидуальным явлениям, стремлении к предельной концентрации фактического материала, сомнению в адекватности полученного знания, увлечении экономической тематикой. Причем стремление к индивидуализации (один из постулатов неокантианства) привело к сужению исследуемой проблематики.

Если старшее поколение московских историков ставило проблемы чрезвычайно широко (не в пример петербургским историкам), то новая генерация сознательно пошла на ограничение исследовательского поля. Например, работы П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, М.К. Любавского, А.А. Кизеветтера (магистерская диссертация) и Н.А. Рожкова охватывали очень большой временной отрезок. На их фоне труды Ю.В. Готье, А.И. Яковлева и С.Б. Веселовского анализировали более узкие проблемы. Они уже не ставили вопрос в стиле изучения явлений на протяжении столетия (как, например, книги Рожкова о сельском хозяйстве XVI в., Кизеветтера о посадской общине в XVIII в., Любавского об истории Русско-Литовского княжества на протяжении нескольких столетий и т. д.). Исследования представителей младшего поколения, во-первых, вынуждены были сужать вопросы путем ограничения географических (Готье) и временных рамок (Веселовский и Яковлев), во-вторых, их выводы были предельно осторожны и фундированы.

Предельная фундированность — еще одна важная черта стиля нового поколения. Нельзя сказать, что старшие ученики Ключевского строили свои работы на узкой источниковой базе, наоборот, в их исследованиях использовано огромное количество документов. Но работы Готье, и в большей степени Веселовского и Яковлева, строились по принципу максимального приведения источников в самом тексте исследования. Их работы включали пространные пересказы или цифровые обработки документов. В ущерб читабельности и сжатости изложения они отказались от иллюстративного принципа использования однотипных документов. Нередко их работы превращались в подробнейший пересказ источников, где выводы делались предельно осторожно. Таким образом, стремление к детальному воссозданию прошлого усилилось. Такой стиль не принимался старшим поколением. Не случайно Богословский в случае с монографией Веселовского, а Любавский на диспуте Яковлева указывали на это как на существенный недостаток. Они считали, что историческая наука не должна терять своей литературности, в то время как историки младшего поколения сознательно сделали шаг в сторону «сциентизации» исторического исследования. Среди старших коллег такое решение вопроса было близко А.А. Кизеветтеру. Не случайно в рецензии на «Городовое положение Екатерины II» Готье хвалил автора за научно-объективный метод¹, и не случайно, что именно Кизеветтер из старшего поколения наиболее благосклонно смотрел на эксперименты коллег. Нельзя сказать, что данная эволюция стиля научно-исторической работы была присуща только младшему поколению Московской исторической

---

¹ Готье Ю.В. Рец. на: Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785. Опыт исторического комментария. М., 1909 // ЖМПН. 1909. № 9. С. 207.

школы, скорее они двигались в общем направлении развития исторической науки в ее переходе от классического позитивизма к позитивизму второго поколения.

В этой связи интересным представляется вопрос о том, как решали исследуемые историки проблему соотношения «явлений» (структур, длительных процессов и т. д.) и событий. В зависимости от приоритета того или иного история превращается либо в нарративную (описательную), либо в структурную. Данный вопрос является важным по той простой причине, что в современной отечественной историографии существует тенденция к тотальному отрицанию повествования в историческом исследовании¹. Готье, Яковлев, Веселовский и Бахрушин старались органично объединить обе тенденции, хотя приоритет отдавался нарративу. Таким образом, работы историков были посвящены исследованию структур, но при помощи нарративного подхода. Отсюда, в том числе, и излишняя описательность их работ.

Еще одним важным отличием младшего поколения от старшего является внимание первых к археографической работе. Если для старшего поколения была свойственна археография «для себя», то молодые историки активно работали на ниве публикации исторических источников. По наблюдениям С.В. Чиркова, для московских историков был типичен «прагматический» подход к источнику, не требующий его всестороннего изучения. Концентрированно его выразил С.М. Соловьев: «...Брать данные из источников в нетронутым сыром виде, вносить в текст прагматической истории». В.О. Ключевский преодолел данный взгляд, но его ученики вновь вернулись к нему². Если наблюдения авторитетного исследователя истории отечественной археографии верны, то здесь надо внести в них необходимые коррективы. Такой подход был характерен в первую очередь для старшего поколения. Не отказавшись до конца от «прагматизма» в использовании источников, младшее поколение пошло своим путем. Не случайно Готье в рецензии на работу А.А. Кизеветтера о городском положении Екатерины II высказал чрезвычайно интересные мысли об историческом источнике. «Критическая работа над историческим памятником важна не только как определение его происхождения и значения, — писал Готье, — она должна давать и нечто иное. Крупный памятник законодательства, также как и памятник литературный, есть продукт известной социальной среды и известного исторического момента, поэтому чрезвычайно интересно выяснить, как думало и размышляло то общество, в котором создался

---

¹ Например: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

² *Чирков С.В.* Указ. соч. С. 127–128.

памятник»¹. В данном отрывке представлено концептуальное понимание источника как памятника культуры, который необходимо анализировать как явление своего времени, своей среды. Во многом это напоминает идеи А.С. Лаппо-Данилевского об источнике как «реализованном продукте человеческой психики». Такие мысли отрицают потребительское отношение к источнику. Веселовский и Яковлев вообще разработали новаторские принципы научно-исторического подхода, при которых само исследование велось параллельно публикации документов. В научном наследии московских историков присутствуют публикации трех типов: научного, учебного и научно-популярного характера. Особой формой эдиционной работы стала публикация или подробный пересказ источников в исследованиях историков. В особенности это было присуще Яковлеву.

В этом смысле можно указать, что на примере младшего поколения московских историков более заметна тенденция сближения московских и петербургских историков. Петербургская историческая школа окончательно формируется к концу XIX в. (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский и их ученики). Начинается активный процесс научного обмена между новыми поколениями историков обеих столиц². В понимании задач исторической науки Готье, Веселовским, Яколевым и Бахрушиным прослеживается влияние петербургских коллег, которые ценили в исторической работе в первую очередь умение анализировать исторические источники и факты. Не случайно петербургские историки охотнее шли на контакты именно с молодыми учениками Ключевского. Тем не менее в их работах изучение исторических источников не превратилось в самостоятельную задачу. В этом состоит важное отличие московских историков от представителей Петербургской школы, где методология, источниковедение, а также вспомогательные исторические дисциплины приобретали нередко самодовлеющее значение.

Таким образом, анализ творчества указанных ученых показывает процесс нарастающей кооперации в отечественной исторической науке начала XX в. Данный пример позволяет отвергнуть мнение А.Н. Шаханова о вызревании «методологического, методического и тематического своеобразия» в Московской и Петербургской исторических школах

---

¹ Готье Ю.В. Рец. на: А.А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909 // ЖМНП. 1909. № 9. С. 208.

² Муравьев В.А. В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // Ключевский: Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 220–223; Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Там же. С. 282–288.

в данное время¹. Правильнее отметить процесс сближения двух научных сообществ, в то время как различия наиболее рельефно проявлялись в более ранние периоды.

Также необходимо повторить замечание Н.Л. Рубинштейна, что в работах младшего поколения интерес к экономической проблематике проявился более отчетливо, чем у старшего. Новаторским представляется и интерес историков младшего поколения к изучению менталитета, к тому, что теперь классифицируется как историко-антропологическая история. Хотя данные тенденции не стали определяющими в их научном творчестве, их работы опередили мировую историческую науку.

Социально-политическая ориентация в исторической науке также в значительной степени определяет облик научного сообщества. В данном случае между старшим и младшим поколениями также прослеживаются ощутимые отличия. Старшее поколение было активнее в социально-политической деятельности. Недаром практически все они состояли в партийных объединениях. Для их младших коллег история и политика не были так тесно переплетены. Более того, их политические пристрастия отличались. Если старшую генерацию можно окрестить «детьми пореформенного времени», то Готье, Веселовский, Яковлев и Бахрушин сформировались в иной общественно-политической обстановке. Готье, Веселовский и Яковлев окончили университет на излете XIX в., а Бахрушин в самом начале XX в. Огромное влияние на их мировоззрение произвела Первая русская революция, которая привела к разочарованию в радикально-либеральных идеях. Под влиянием революционных событий у московских историков младшего поколения сформировалось такое общественно-политическое мировоззрение, которое в советское время называли «веховской идеологией», а теперь предпочитают классифицировать как «либеральный консерватизм»². Сутью этого мировоззрения является категорическое отрицание радикального, антигосударственного пути решения проблем. Отчетливо эта позиция проявилась во время революций 1917 г. и Гражданской войны. Любопытно отметить, что младшее поколение отличалось большей однородностью в политическом мировоззрении, нежели старшее, где разброс мнений был весьма ощутим.

Особый научный почерк исследования привел к осознанию собственных отличий от старшего поколения. Рельефно это проявилось во время

---

¹ Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 407.

² Подробнее см.: Вандалковская М.Г. К изучению истоков либерального консерватизма XIX–XX вв. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: Мат-лы Междунар. науч. конф. Липецк, 2009. С. 227–230.

дискуссии по книге Веселовского «Сошное письмо» и защит Яковлева. В их письмах проскальзывает упоминание о «новом научном строе». Молодые историки, как Москвы, так и Петербурга и Киева, не в пример старшему поколению, с восторгом приняли их монографии. Но окончательно самосознание младшего поколения оформиться не успело. К тому моменту, когда они заняли прочное положение в научном сообществе и могли бы воспитать собственных последователей, привычный мир рухнул, а те разногласия, которые проявились в дискуссиях со старшими коллегами, отошли на второй план перед общими проблемами. После революции все историки, воспитанные в академической дореволюционной традиции и придерживавшиеся академических стандартов научности, неформально получили название «историков старой школы». Им пришлось дискутировать и противостоять (до определенного момента) не друг другу, а историкам-марксистам, которые не делали между ними различий ни по методологическим пристрастиям, ни по принадлежности к тем или иным школам.